

«ЛАНДШАФТ ДЕТСТВА» К.Н. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА. УСАДЬБА КУДРЁШКИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СУДЬБА РОДОВОГО ИМЕНИЯ

*Алексей Давыдов
Сергей Петряев*

На основе архивных документов и мемуаров рассматривается формирование пространственно-планировочной структуры «сельца» Кудрешки (Горбатовский уезд Нижегородской губернии, ныне Богородский р-н Нижегородской обл.), длительное время являвшегося родовой усадьбой Бестужевых-Рюминых. Во второй четверти XIX в. здесь благодаря усилиям Н.П. Бестужева-Рюмина появился усадебно-парковый комплекс, повлиявший на становление личности его сына – будущего историка, академика К.Н. Бестужева-Рюмина. Воспринимавшееся им как «ландшафт детства и первых лет юности», это окружение по своей значимости сравнимо с «садами Лицея», вдохновлявшими А.С. Пушкина. В статье реконструируется состав усадебного комплекса, выясняются причины, в силу которых масштабные преобразования в Кудрешках остались незавершенными, описывается процесс последующего упадка имения и утраты его строений. Характеризуются принятые в советское и постсоветское время меры по отношению к этому «месту памяти» (объявление его памятником истории и культуры регионального значения, паспортизация садово-парковых насаждений, включение их в перечень особо охраняемых природных территорий), показывается, что они оказались недостаточными для его сохранения и функционирования как объекта культурного наследия и памятника природы. Поднимаются вопросы о дальнейшем существовании и развитии Кудрешек как уникальной исторической территории.

Ключевые слова: славянофильство, усадебная культура, ландшафт детства, место памяти, Бестужев-Рюмин.

© Давыдов А.И., 2022

© Петряев С.В., 2022

Научно-исследовательское предприятие «Этнос», журнал «Провинциальная Россия», Нижний Новгород

On the basis of archival documents and memoirs the authors consider the formation of the architectural structure of the "village" of Kudryoshki (Gorbatovsky district of Nizhny Novgorod province, now Bogorodsky district of the Nizhny Novgorod region), which for a long time was the ancestral home of the Bestuzhev-Ryumins. In the second quarter of the 19th century thanks to the efforts of N.P. Bestuzhev-Riumin there appeared the estate park complex, which greatly influenced the personality of his son, the future historian, academician K.N. Bestuzhev-Riumin. Regarded by him as "the landscape of his childhood and the first years of his youth", this architectural environment by its importance is comparable with the "Lyceum gardens" which inspired Aleksandr Pushkin. The article reconstructs the structure of the estate complex, explains the reasons why the large-scale reconstruction of the estate in Kudryoshki remained incomplete and describes the process of the subsequent decline of the estate and the loss of its buildings. The authors characterize the measures that were taken in Soviet and post-Soviet times to save this "memory place" (it was declared to be a monument of history and culture of regional significance, the landscape gardening was documented, all the plots were included in the list of specially protected natural areas). It is concluded that these measures turned out to be insufficient for the preservation and functioning of the estate as a cultural heritage object and nature monument. The authors raise questions about the future existence and development of Kudryoshki as a unique historical territory.

Keywords: Slavophilism, manor culture, landscape of childhood, place of memory, Bestuzhev-Ryumin.

<https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.180>

В историю отечественной науки Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) вошел прежде всего как первый директор Высших женских курсов в Санкт-Петербурге (1878–1882), которые с тех пор стали именоваться Бестужевскими. С 1865 по 1882 гг. он занимал кафедру русской истории в Санкт-Петербургском университете, в 1884 г. окончательно оставил университет по состоянию здоровья, а в 1890 г. был избран в Академию наук. Историческую концепцию Бестужева-Рюмина относят к федералистскому направлению [2], которое оппонировало учению государственной, или юридической, школы в русской историографии. Историографические взгляды самого Константина Николаевича стали предметом монографического исследования Р.А. Киреевой [3]. Преподавательская деятельность Бестужева-Рюмина, его работы по источниковедению и историографии заложили основы петербургской исторической школы. По своим философским убеждениям он принадлежал к славянофильскому направлению и был близок к тем из своих современников, кого сейчас относят к так называемому петербургскому славянофильству [5]. Еще в начале 1860-х гг. Бестужев-Рюмин предпринял попытку дать систематический обзор славянофильского учения [12]. Это был первый опыт последовательного изложения славянофильской доктрины, поскольку родоначальники славянофильства не стремились к систематизации и догматизации своих взглядов. Константин Николаевич не оставил крупных сочинений по философии, но как историк проявлял интерес к философско-историческим вопросам и к теоретико-методологическим проблемам исторической науки. Он был другом и популяризатором учения Н.Я. Данилевского, а его собственные философско-исторические рассуждения разбросаны по многочисленным статьям, рецензиям и обзорам [См. подр.: 6].

Видный историк и ученик Бестужева-Рюмина Е.Ф. Шмурло связывал становление личности будущего академика непосредственно с его родовым имением Кудрѣшки, расположенном в Горбатовском уезде Нижегородской губернии (ныне Богородский район Нижегородской области). Кудрѣшки с их неповторимыми пейзажными видами, парком с искусственными прудом и островом, воспринятыми Константином Николаевичем как «ландшафт детства», стали для него Отечеством, как Отечеством стало для А.С. Пушкина Царское Село. Здесь одновременно с формированием усадебного культурно-природного пространства формировались и жизненные взгляды К.Н. Бестужева-Рюмина.

«Духовная жизнь началась для К. Н. рано, – отмечал Е.Ф. Шмурло. – Нервная, восприимчивая, вдумчивая натура ребенка рано стала останавливаться над явлениями окружающей жизни, задумываться над ними, искать себе ответа. Мальчик любил уединяться на островке, что лежал на пруду в их деревенском саду, островке, обсаженном кедрами, пихтой и лиственницей, уходил туда читать и мечтать» [10, с. 7–8]. Как здесь вновь не вспомнить А.С. Пушкина с его «садами Лицея», где он «читал охотно Апулея, / А Цицерона не читал...». Круг чтения Константина Николаевича уже в то время также был весьма обширен.

Тезис о Кудрѣшках как ландшафте детства и первой молодости Константина Николаевича, неоднократно звучавший и подтвержденный в

его воспоминаниях и письмах, верен. Поэтому для исследователей становится важной задачей показать максимально полную историю формирования и дальнейшего существования усадебного комплекса – «родового гнезда», реконструировать облик «места памяти», того ландшафтного окружения, которое оказало огромное влияние на будущего академика.

Историческое «Березополье», на территории которого расположены Кудрёшки, было освоено еще в средневековье. Освоение это выразилось в почти полном сведении здесь на нет лесов и в распашке освободившихся земель под посевы. Это сказалось на формировании типа сельских поселений, характерных для безлесных пространств правобережной части Нижегородской губернии. Важным фактором их жизнеобеспечения становились пруды – как копаные, так и появившиеся на месте оврагов запруды, с вытекающими из них ручейками. Этим во многом определялась планировочная структура сел и деревень, зависящая от направления оврагов и конфигурации естественных и искусственных водоемов. Их можно назвать рукотворными «зелеными оазисами» среди пахотных полей.

К подобным поселениям, судя по плану Генерального межевания 1786 г. [14], относилось и «сельцо Симаново, Кудрёшки тож» (из-за отсутствия в то время в русском языке буквы «ё» соответствующий звук передавался сочетанием букв «і» («и десятиричное») и «о» («он»). Его планировка определялась вытянутым с юга на север запруженным оврагом Безымянный и дорогой, идущей через дамбу с востока на запад. Термин «сельцо» свидетельствует о наличии здесь барской усадьбы, которая принадлежала тогда «маиорше» Пелагее Ивановне Бестужевой-Рюминой, урожденной Свечиной (другие два владельца Кудрёшек усадеб там не имели).

Место усадьбы легко устанавливается с западной стороны пруда. На плане здесь выделен отдельно стоящий деревянный дом (очевидно, господский) с обширным незастроенным пространством перед ним, выходящим на север в сторону продолжения дороги через дамбу, и рядом построек на берегу пруда, которые можно интерпретировать как хозяйственные. Такая ситуация во многом схожа с центрами южнорусских селений с их площадями-майдами и прудами, обсаженными деревьями. Вместе с тем, на плане отсутствуют садово-парковые территории. Это подтверждается «Экономическими примечаниями», в которых указано, что сельцо «положение имеет по обе стороны оврага безымянного и запруженного... В том сельце помещика Бестужева-Рюмина дом господский деревянный... Жители водою довольствуются из пруда, которая людям и скоту здорова» [18, л. 89–89 об.]. В примечаниях говорится о карасях в пруду, журавлях, жаворонках и перепелах в полях, других зверях и птицах в дровяном лесу с березами, осинами и липами, который достаточно далеко отступал от селения, но ни слова не сказано о плодовых деревьях, садах и парке, остальных прудах. Их появление относится к более позднему времени.

Следует обратить внимание и на то, что в примечаниях отмечен «дом господский деревянный», причем без приписки «ветхий», как это часто встречается в описаниях соседних помещичьих владений. Очевидно, это было новое строение, заменившее собой «лубяной домик». Подобные кар-

«Сельцо Симаново Курдюшки тож»
по плану Генерального межевания.
1786 г. (РГАДА)

Сельцо Кудрешки по «Съемке Менде». Сер. XIX в. (РГАДА)

касные сооружения, покрытые корой, были распространены на юге Нижегородской губернии. В таком домике, по рассказам родных Бестужева-Рюмина, жила прабабушка Константина Николаевича – вышеупомянутая Пелагея Ивановна. В Кудрёшки она переехала после смерти мужа Николая Дмитриевича, который в 1757 г. «был отставлен секунд-майором» [17, л. 171]. Обедневшая Пелагея Ивановна перебралась из обжитого калужского имения «в нижегородскую свою деревню, весьма незначительную, с сыновьями своими Павлом и Дмитрием» [11, с. 4].

Здесь мы можем свидетельствовать, что Бестужевы, бывшие, по выражению тех лет, «господами средней руки», достаточно быстро поправили свое материальное положение. «Лубяной домик» сменился новым деревянным зданием, но и оно недолго устраивало хозяев. В 1826 г., когда Николай Павлович Бестужев-Рюмин (брат декабриста Михаила Павловича, отец историка и внук Пелагеи Ивановны) вышел в отставку, женился и переехал в Кудрёшки, он поселился уже «в большом каменном двухэтажном доме, который впоследствии сам сломал» [11, с. 7]. С этим домом у Константина Николаевича связаны первые воспоминания: «Помню некоторые комнаты старого дома, особенно одну, которая была разгорожена перегородкою; над заднею половиною был сделан потолок, на потолке антресоли с балюстрадаю, на антресоли вела лестница. На антресолях помещался брат Петр (р. 1832 †1834) с кормилицею; внизу под антресолями отец с матерью и я» [11, с. 9–10]. К сожалению, более подробные описания господского дома нам не известны.

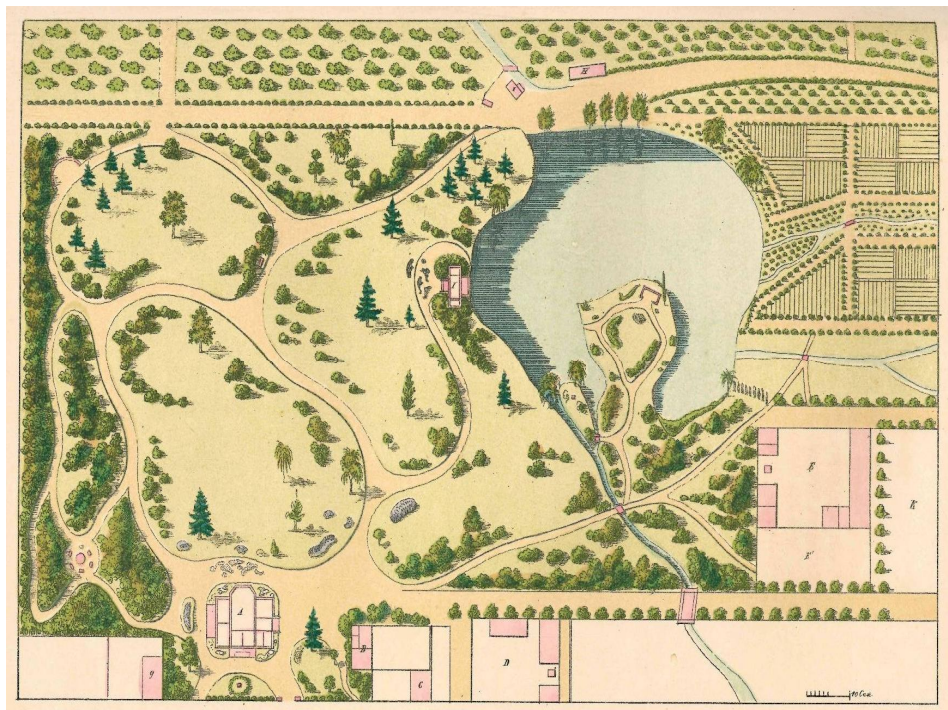
Можно предположить, что этот дом был построен Павлом Николаевичем для своей семьи в начале XIX столетия (очевидно, что в нем прошли и детские годы декабриста М.П. Бестужева-Рюмина). Сам Павел Николаевич мало проживал в Кудрёшках. Длительное время по долгу службы он проводил в уездном городе Горбатове, а с 1818 г. – в селе Ново-Никольском Звенигородского уезда Московской губернии. Несмотря на факт отсутствия владельца в имении, именно при нем оно заметно «округлилось»: к 143 крепостным, которые были наследованы от матери, прибавились полученные к 1792 г. в приданое за женой 275 душ мужского пола [17, л. 171].

Документы тех лет не фиксируют в Кудрёшках знаменитой системы из пяти прудов (два из которых непосредственно вошли в саму усадьбу), оранжереи с экзотическими растениями, искусственных зеленых насаждений и т.п. Очевидно, что во времена Павла Николаевича подобные «затеи» появиться не могли: имение воспринималось им, как и большинством дворянства его времени, исключительно утилитарно – в качестве доходной статьи.

Постоянно проживать после 1826 г. в Кудрёшках стал его сын – Николай Павлович. Именно его стараниями сформировался тот ландшафт сельца, о котором так ностальгически вспоминал Константин Николаевич, принадлежавший уже к тому поколению дворянства, которое в полную силу ощутило плоды дарованной ему «вольности». Воспитанник благородного пансиона при Московском университете, вышедший в отставку в тридцать шесть лет, он имел хороший вкус и силы для строительных работ. Константин Николаевич отмечал: «Отец вообще любил

строиться» [11, с. 8]. Преобразование усадьбы отвечало духу времени. К началу XIX столетия «усадебный бум» охватил и помещиков среднего достатка, стремившихся походить на более богатых и могущественных собратьев, отстроивших свои дворцы еще в царствование Екатерины II. Их усадьбы, созданные зачастую силами «доморожденных» крепостных архитекторов, не были так помпезны и изящны, как усадьбы представителей «высшего света». Тем не менее, они также обладали своеобразной красотой и относительным комфортом, подпадая под влияние эстетики сентиментализма, архитектурных исканий классицизма и формирующейся идеи «усадьбы – копии Эдема, места философского созерцания и отдохновения сердца и ума» [9, с. 4]. Облик русских усадеб тех лет, окутываясь ореолом литературно-художественных мечтаний, во многом отбрасывал чисто практическую направленность развития.

По такому пути пошел в Кудрёшках и Николай Павлович, преобразовав юго-западную часть имения в парк с копаным прудом и островом, с посаженными на нем лиственницами и кедрами, липовыми аллеями, фруктовыми садами. Вероятно, этот пейзажный парк, изменивший внутренний ландшафт сельца, стал основой идеализированного плана «воздушного сада», опубликованного А.Р. Остафьевым в 1859 г. [13, с. 114]. Их сходство настолько близко, что известный нижегородский историк И.А. Кирьянов ошибочно принял данный чертеж за план усадьбы в Кудрёшках [4, с. 117–118].

А.Р. Остафьев. «План воздушного сада». 1859 г.

Следует отметить некоторую неточность в заголовке публикации А.Р. Остафьева: термин «воздушный сад» в то время означал упорядоченные посадки плодовых деревьев и кустарников на открытом воздухе. На опубликованном же чертеже представлено общее, в более широком смысле пространственно-планировочное решение господской усадьбы.

Константин Николаевич, вспоминая отца, писал: «Главною страстью его была оранжерея, на которую тратилось чрезвычайно много, более, чем позволяли доходы; работы в оранжерее обременяли дворовых (которых было 50 душ при 200 душ крестьян) и отчасти крестьян» [11, с. 8]. П.И. Мельников-Печерский отмечал, что в Кудрёшках были «70 дворов и господский дом с обширными теплицами, грунтовыми сараями, парниками и садами. Здесь в большом количестве растут ананасы, персики, абрикосы, сливы, в грунтовых садах разведены разнообразных сортов вишни; в парниках родится множество дынь, в огородах различные корни и зелень. Одних ананасов вызревает здесь от 100 до 150. Плоды здешних теплиц и садов снабжают Нижегородскую ярмарку. Из заведений подобного рода заведение в Кудрёшках – лучшее в здешнем крае» [8, с. 267].

Вместе с тем, надо отметить, что преобразования усадьбы остались незавершенными в силу непомерных расходов на них: «Сада в настоящем смысле не было: насажены были рощицы, начато продолжение пруда с островом, но и это было не окончено, и дорожек не было проведено» [11, с. 9]. В 1837 г. Павел Николаевич был вынужден заложить имение в Московский опекунский совет, что «стало началом... разорения» [11, с. 9].

Представление о более позднем составе усадьбы Бестужевых-Рюминых дает ее описание 1866 г. Тогда она включала в себя каменный господский дом «с деревянными пристройками, хлебным амбаром, двумя погребами, особою кухнею, с людскими, конюшнями, экипажным сараем, банею за прудом, двумя воздушными садами, оранжереями, огородами около их и рощею» [16, л. 51–55].

Общая планировочная структура Кудрёшек примерно этого же времени отмечена на топографической съемке Нижегородской губернии, осуществленной под руководством генерала А.И. Менде [15]. Сравнение ее с планом Генерального межевания 1786 г. отражает масштабные изменения местности: появление системы прудов, озеленение бывшей площади к западу от старого (Переднего) пруда, получившего другие очертания, в связи с этим перенос порядка крестьянских домов к западу за территорию ландшафтного парка. Совмещение соответствующего листа «съемки Менде» с современным космоснимком показывает, что планировка поселения, явившаяся результатом неоконченных преобразований второй четверти XIX в., в основном сохраняется до наших дней. Вместе с тем отсутствуют следы собственно барской усадьбы (в узком смысле этого слова), с каменным домом и флигелями, прочих хозяйственных построек, оранжерей, грунтовых сараев и т.п. Местоположение господского дома можно определить весьма приблизительно: южнее центрального (Барского) пруда. Во многом это стало следствием того, что большинство из этих построек перестало существовать еще в XIX в., а само имение было продано, о чем сильно сожалел Константин Николаевич.

В советское время предпринимались попытки сохранить памятное место, связанное с целой плеядой исторических деятелей, к которой также принадлежали другие представители рода Бестужевых-Рюминых. Среди них – Василий Николаевич, возглавлявший императорский Тульский оружейный завод, Иван Павлович – участник войн с Наполеоном, управляющий Удельной конторой в Нижнем Новгороде. Была проведена паспортизация усадьбы, ставшей памятником истории и культуры согласно решению Горьковского облисполкома от 3 ноября 1983 г. На острове Барского пруда был установлен бюст декабриста М.П. Бестужева-Рюмина (скульптор И.И. Лукин) [7, с. 125]. Большой вклад в дело сохранения усадьбы внесли местные педагоги: Анатолий Николаевич Алмазов и его дочь Лидия Анатольевна. Было создано добровольное объединение краеведов по охране и возрождению историко-культурного наследия усадьбы Бестужевых-Рюминых (председатель – Владимир Серафимович Купрюшин). Ландшафтным архитектором В.В. Баулиной были даны рекомендации по реконструкции зеленых насаждений [1, с. 117]. 14 февраля 1984 г. решением исполкома Горьковского областного Совета народных депутатов «парк и система прудов д. Кудрешки» были объявлены памятником природы регионального значения и включены распоряжением Правительства Нижегородской области от 10 августа 2006 г. № 591-р «Об особо охраняемых природных территориях» в перечень природных объектов и территорий Нижегородской области, относящихся к природно-заповедному фонду.

Тем не менее, принятых мер оказалось недостаточно. Уникальный исторический комплекс сейчас находится в запущенном состоянии. Хотя система из пяти прудов (Барский, Банный, Пантелеев, Передний, Комоль (Козлов)) продолжает сохраняться, некоторые из них почти пересохли. Ландшафтный парк с липовыми аллеями деградировал. Утрачены все шесть кедров на острове и большая часть лиственниц. Памятник декабристу нуждается в ремонте. Отмечается наступление новой жилой застройки на историческую территорию усадьбы к северу от Барского пруда. В целом состояние этого «места памяти» не соответствует его высокой мемориальной значимости. В связи с этим требуются незамедлительные меры по спасению объекта культурного наследия.

Литература

Исследования

1. *Баулина В.В.* Сады и парки Горьковской области. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1981.
2. *Боярченков В.В.* Историко-федералисты: концепция местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.
3. *Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М.: Наука, 1990.
4. *Кирьянов И.А.* О родине декабриста М.П. Бестужева-Рюмина // Записки краеведов. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1988. С. 113–119.
5. *Котов А.Э.* Петербургское славянофильство 1860–90-х гг. // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 123–133.

6. Малинов А.В. К.Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб.: СПбГУ, 2005.
7. Малинов А.В., Петряев С.В. Мастера российской историографии: Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // Исторический архив. 2020. № 1. С. 122–137.
8. Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / сост., коммент.: Н.В. Морехин, Д.Г. Павлов. Н. Новгород: Книги, 2011.
9. Смилявская Е.Б. Дворянское гнездо середины XVIII века. М.: Наука, 1998.
10. Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1899.

Источники

11. Бестужев-Рюмин К.Н. Воспоминания (до 1860 года). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1900.
12. Бестужев-Рюмин К.Н. Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая // Отечественные записки. 1862. № 2. Т. СХL. С. 678–719; Статья вторая. № 3. Т. СХLl. С. 26–58; Статья третья и последняя. № 5. Т. СХLll. С. 1–23.
13. Журнал садоводства, издаваемый Российским обществом любителей садоводства. 1859. Т. 7.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1354. Оп. 265. Ч. 2. Горбатовский уезд. (Алфавит № 180). № 28.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1357. Оп. 2. Съёмка Менде. Нижегородская губ. URL: http://www.etomesto.ru/map-nn_mende/?ysclid=lespejo4bg251516366.
16. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 154. О. 98. Д. 1057.
17. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 639. Оп. 125. Д. 6502.
18. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 829. Оп. 676 б. Д. 8.

Petryaev, Sergey V., & Davydov, Aleksey I., K.N. Bestuzhev-Ryumin's "landscape of childhood". *Kudryoshki estate: the history of formation and fate of the family estate*

References

1. Baulina, V.V. (1981), *Sady i parki Gor'kovskoy oblasti* [Gardens and Parks of the Gorky Region], Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatelstvo, Gorky (in Russian).
2. Boyarchenkov, V.V. (2005), *Istoriki-federalisty: kontseptsiya mestnoy istorii v russkoy mysli 20–70-kh godov XIX veka* [Historians-Federalists: The Concept of Local History in Russian Thought in the 20–70s of the 19th Century], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg (in Russian).
3. Kireeva, R.A. (1990), *K.N. Bestuzhev-Ryumin i istoricheskaya nauka vtoroy poloviny XIX v.* [K.N. Bestuzhev-Ryumin and Historical Science of the Second Half of the 19th Century], Nauka, Moscow (in Russian).
4. Kiryanov, I.A. (1988), On the homeland of the Decembrist M.P. Bestuzhev-Ryumin, in: *Zapiski kraevedov*, Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatelstvo, Gorky, pp. 113–119 (in Russian).
5. Kotov, A.E. (2017), Petersburg Slavophilism in the 1860s–90s, *Khristianskoe chtenie*, no. 6, pp. 123–133 (in Russian).

6. Malinov, A.V. (2005), *K.N. Bestuzhev-Ryumin: ocherk teoretiko-istoricheskikh i filosofskikh vzglyadov* [K.N. Bestuzhev-Rjumin: An Essay on Theoretical-Historical and Philosophical Views], SPbSU, St. Petersburg (in Russian).
7. Malinov, A.V., & Petryaev, S.V. (2020), Masters of Russian historiography: Konstantin Nikolayevich Bestuzhev-Ryumin, *Istoricheskiy arkhiv*, no. 1, pp. 122–137 (in Russian).
8. Morokhin, N.V., & Pavlov, D.G. (eds.) (2011), *Neznakomyy Pavel Melnikov (Andrey Pecherskiy)* [Unfamiliar Pavel Melnikov (Andrey Pechersky)], Knigi, Nizhniy Novgorod (in Russian).
9. Smilyavskaya, E.B. (1998), *Dvoryanskoye gnezdo serediny XVIII veka* [The Nobles' Nest of the Mid-18th Century], Nauka, Moscow (in Russian).
10. Shmurlo, E.F. (1899), *Ocherk zhizni i nauchnoy deyatelnosti Konstantina Nikolayevicha Bestuzheva-Ryumina. 1829–1897* [Essay on the Life and Scientific Activities of Konstantin Nikolaevich Bestuzhev-Ryumin. 1829–1897], Тип. К. Mattisena, Yuryev (in Russian).